

Цзян Най чувствовал себя словно Белый Кролик: его будни проходили в том, что он выращивал в лесу морковку. Урожай был не особо богатым, но жизнь текла размеренно и спокойно.

Однажды в лес пришли два маленьких крольчонка.

Один белый, другой серый, ростом с ладошку, при ходьбе они забавно спотыкались.

Они любили тереться о него своими маленькими головками и доверчиво выпрашивали морковку.

Совсем еще крошечные малыши, питающиеся материнским молоком, — настоящие пушистые крошки.

Добрый Кролик никак не мог отказать крольчатам настойчивым просьбам. Вернее, стоило им неуверенно зашагать в его сторону, как сердце Кролика полностью таяло.

Разве кто-то может не любить теплых, милых пушистиков?

Он открыл свой заветный амбар, который так высоко ценил, и устроил малышам роскошное пиршество. Серый крольчонок был очень живым: откусив кусочек излюбленной морковки Кролика, он так возбужденно подпрыгнул, что его ушки забавно затряслись, а сам он пролепетал детским голоском: Это самая вкусная еда в лесу.

Белый крольчонок был куда сдержаннее младшего: он тихонько смаковал лакомство в лапках и высказал глубокую благодарность за доброту Кролика.

С умоляющим выражением лица он спросил, нельзя ли взять еще немного — он хотел отнести гостинец отцу, жившему на другом конце леса.

Цзян Най от испуга мгновенно пришел в себя: — Нельзя.

Кролик очень расстроился.

А троица, вернувшаяся после мытья рук, казалось, ни о чем не подозревала: Фань-цзай и Чжоу-цзай, вооружившись маленькими ложечками, жалобно и преданно смотрели на то, как Цзян Най разделявает пельмени с кружевной корочкой.

Перед ужином Чжоу-чжоу отвесил бедному отцу такую оплеуху, что тот едва узнал себя в зеркале, и теперь сидел за обеденным столом сплошным источником ледящего холода.

И на этом фоне малыши продолжали подгонять: — Нужно помыть папу, чтобы он вкусно пах.

При этих словах маленькая крольЧонка, что до этого бойко прыгала впереди и показывала дорогу, помрачнела, а ее головка поникла.

Кролик, прихватив принесенный с собой подарок, последовал за ними к пещере. Пещера оказалась огромной, с тусклым освещением, окруженной со всех сторон ледяными камнями.

Он задрожал всем телом и застыл от ужаса: это же волк.

Как же его жалко! Почему кролики должны жить в таком месте?

Почему развитие событий вдруг приняло такой оборот? Цзян Най вздохнул, прикрыв лицо рукой: народная мудрость гласила правду — дети это сплошной долг.

Он собирался навестить кроличьего отца и, если получится, помочь с заботой о двух милых крольчатах. Он вырастит много-много морковки, а еще сможет купать малышей и расчесывать их шубки.

— А можно помыть папу, чтобы он вкусно пах? Его ножка повреждена, но у нас двоих совсем мало сил, мы не можем ему помочь.

Красивая корзина с фруктами сорвалась с рук и рухнула на землю, морковь рассыпалась повсюду.

Чем ближе они подходили, тем отчетливее становилось слышно тяжелое дыхание. Кролик немного испугался, пока не заметил впереди две зеленые точки глаз.

Малыши все еще были мягкими комочками, которые едва держались на ногах — как раз в том возрасте, когда они отчаянно нуждались в родительской заботе и опеке.

Изначально в этом лесу жил лишь один Кролик. Он так сильно полюбил этих крольчат! Ему хотелось вырастить их, и тогда ни он, ни малыши больше не чувствовали бы себя одинокими.

Ах, оказывается, у двух крольчат был хозяин.

Кролик больше не боялся темноты и смело последовал за крольчатами внутрь, собираясь отдать морковку сидевшему там господину, а потом вместе с малышами помочь тому искупаться и вкусно пахнуть.

Значит, родители пострадали, и поэтому малыши пришли просить еду? Подумав об этом, Кролик решил помочь хорошенько позаботиться об их отце, чтобы тот поскорее поправился.

Двое пупсов из семьи Цзян исключением не были.

Он принес плетеную из травы корзину, наполнил ее множеством морковок и аккуратно украсил живыми цветами.

Слепленные пельмени сначала отварили на пару, затем разогрели сковороду на среднем или малом огне, смазали маслом, влили приготовленное жидкое тесто и выложили пельмени.

Когда огонь убавили, тесто постепенно застыло и покрылось легкой золотистой хрустящей корочкой.

При подаче казалось, будто пельмени покоятся на кружевах из ледяных узоров.

— Вау, как красиво.

Чжоу-цзай посмотрел на жареные пельмени в маленьком блюде и издал тихий возглас восхищения, а в его больших глазах читалась чистейшая радость.

Пельмени были довольно крупными, да к тому же только что с плиты, поэтому Цзян Най велел им не спешить с едой, а сначала проткнуть пельмень, чтобы выпустить жар.

С этими словами он продемонстрировал это действие: взял палочки для еды, вонзил в пельмень и слегка надавил, мгновенно разрывая целый жареный пельмень с краешку, откуда тут же вырвался нетерпеливый белый пар.

Дети проглотили кашу во рту, отложили ложки в сторону, ухватились маленькими ручками за середину палочек, прицелились в пельмени и изо всех сил воткнули их внутрь.

Раздался глухой стук, и пельмень покатился в сторону — мало того что его не проткнули, так еще и хрустящую корочку разломали вдребезги.

Маленькие губки тут же надулись, а глаза размером с виноградину в упор уставились на жареные пельмени в тарелке. В ту минуту, когда Цзян Най уже решил, что сейчас начнется капризный скандал, малыш крошечным пальчиком с трудом собрал прилипшие к тарелке кусочки теста и съел их.

Расправившись с ними, он снова взял палочки и продолжил штурм. На сей раз цель была выбрана верно, и Цзян Най наконец облегченно выдохнул.

Однако стоило ему приложить усилие, как пельмень развалился на части, обнажив спрятанную внутри начинку из кукурузы и мяса, скатанную веретенообразным комком.

К счастью, Чжоу-цзай сегодня вел себя на редкость храбро: хоть в процессе трапезы и произошло немало неожиданностей, в конце концов он все же отведал папиных любовно приготовленных пельменей и теперь сидел на детском стульчике, вытянув вперед ножки и сияя от счастья.

Глядя на это, Цзян Най, который все время наблюдал за малышами, тоже пришел в прекрасное расположение духа, чувствуя, что сегодня сможет осилить на семь-восемь пельменей больше.

После ужина три единственных дееспособных члена семьи устроили перепалку за право убрать со стола, и Цзян Най пришлось оставить детские тарелочки им на растерзание.

Крохи были на седьмом небе от счастья, твердо веря, что они — очень полезные для папы малыши.

Цзян Най уже протянул руку к посуде Фэн Чэнъяня, но тот быстрым движением сгреб все вещи со стола в кучу. Его длинные сильные пальцы сжали палочки и чашки, а глубокие темные глаза встретились взглядом с Цзян Наем.

Ладно, позволь и тебе почувствовать свою причастность к процессу.

Это останется тебе на уборку.

Цзян Най с невозмутимым видом отдернул руку и направился на кухню. Фэн Чэнъянь, держа в руках тарелки, последовал за ним, управляя своим креслом-каталкой.

До этого момента атмосфера в доме оставалась теплой, уютной и гармонично-семейной.

Но кто бы мог подумать, что, пока Фэн Чэнъянь решал побыть ответственным и хорошим отцом, чувство родительского долга со стороны малышей по отношению к нему взлетит до небес.

Учитывая, что у отца подвернута нога и ему требуются костыли или инвалидное кресло, план по проявлению заботы и уважения к старшим под названием Поможем папе вкусно пахнуть, предложенный Фань-цзаем и поддержанный Чжоу-цзаем, был официально приведен в исполнение.

— У папы болят ноги, он не устоит на них, в ванной легко упасть.

Фань-цзай уцепился за подол одежды младшего папы и, указав на сидевшего рядом малоподвижного отца, с искренним видом предложил: — Мы втроем — я, папа и Чжоу-чжоу — справимся, тогда он не упадет и быстрее выздоровеет.

Неизвестно, у кого он этому научился, но Фань-цзай всегда говорил предельно лаконично, однако его слова неизменно попадали прямо в цель, не оставляя места для возражений, не говоря уж об отказе.

Цзян Най предпринял отчаянную попытку сопротивления: — Вообще-то, ваш отец может сегодня не... мыться...

Его невнятное бормотание мгновенно привлекло к нему взгляды всех трех обитателей комнаты. Фэн Чэнъянь, несмотря на свое сидячее положение, обладал столь пронзительным взглядом, что Цзян Най тут же заерзал от неудовольствия.

Чжоу-цзай, хоть и был мал, говорил прямо: — Но ведь папа будет пахнуть...

В его глазах при этом не было ни капли смущения — лишь чистое недоумение.

Цзян Най мысленно готов был вернуться назад и врезать себе по губам за те слова: что за дурацкую идею он вообще подал? Уж лучше бы молчал.

Ни дать ни взять — зажатый между двух огней, да еще и с двумя невинными белыми кроликами у ног.

Чистый взгляд, умоляющее лицо, и все это устремлено прямо на него.

Цзян Най зажмурился и, переборов себя, бросил: — Хорошо.

<http://bllate.org/book/22066/2294553>